

Шесть лет спустя.

В гостиной царил невообразимый хаос. На полу валялись диванные подушки, а неподалёку блестели россыпи керамических осколков.

— Не с места!

Чжоу Цзыфэй отреагировал мгновенно. Ловким броском он рванулся вперёд и подхватил маленькую трёхцветную кошку, уже намеревавшуюся прыгнуть с гардины. Малышка недовольно мяукнула в его руках, но её хвост преданно обвился вокруг запястья спасителя.

В этот самый миг у входной двери звякнул сенсорный замок.

— Цзыфэй, я вернулся. Ты... — Шэнь Цзя вошёл в квартиру с сумкой в руках, но застыл на полуслове.

Сначала он окинул взглядом разгромленную гостиную, заметив разбитую вазу — ту самую, которую они в прошлом году вместе слепили в гончарной мастерской. Затем его взгляд опустился к прихожей.

Чжоу Цзыфэй стоял на коленях посреди этого разгрома с кошкой на руках и, задрав голову, виновато и заискивающе улыбался.

А трёхцветная озорница, которую Шэнь Цзя всего несколько дней назад подобрал под проливным дождём в подворотне, словно чувствуя свою вину, высунула пушистую мордочку из его объятий. Она мягко мяукнула и осторожно потянула лапку к штанине хозяина.

Шэнь Цзя оглядел эту парочку — две пары глаз уставились на него с одинаковой мольбой, — и вся его досада мгновенно сменилась смехом.

— Вы двое...

Он вздохнул, наклонился, чтобы поставить сумку, и первым делом почесал кошку под подбородком.

— Опять вазу кокнули?

— Она гонялась за лазерной указкой, вот и вошла в азарт, — Чжоу Цзыфэй поднялся с пола вместе с питомицей и подошёл к Шэнь Цзя, привычно уткнувшись подбородком ему в плечо. —

Жена, не сердись. Завтра же всё склею, комар носа не подточит.

Шэнь Цзя повернул голову, разглядывая его домашний костюм в кошачьей шерсти и босые ноги, затем перевёл взгляд на мурчащий пушистый ком. Последние остатки строгой мины испарились.

Шесть лет брака давно превратили пылкую влюблённость в глубокое, тихое тепло. Жизнь текла спокойно, но была до краёв заполнена уютным счастьем. Как сейчас: возвращение с работы, любимый человек рядом, кошка и этот небольшой домашний беспорядок — само дыхание жизни.

Эту малышку он припёр домой неделю назад. Заметил после работы, когда та, вымокшая до нитки, дрожала под навесом круглосуточного магазинчика и жалобно попискивала. Шэнь Цзя хотел лишь подкормить её и уйти, но котейка увязалась за ним следом и дошла до самого подъезда.

Сердце дрогнуло — и он забрал её с собой. Чжоу Цзыфэй тогда не сказал ни слова, но уже на следующий день молча притащил домой кошачий домик, корма и целую кучу игрушек.

— Ничего, в выходные выберем новую, — улыбнулся Шэнь Цзя и присел, собирая крупные осколки.

— Осторожнее, не порежься.

Чжоу Цзыфэй бережно опустил кошку в мягкую лежанку и вернулся с щёткой и совком.

Уборку они вели слаженно и без лишних слов, лишь изредка перебрасываясь парами фраз о работе или планах на завтра. За окном догорали закатные лучи, отбрасывая на пол длинные, переплетённые тени.

Закончив, Шэнь Цзя вымыл руки и прислонился к подлокотнику дивана, наблюдая, как Чжоу Цзыфэй насыпает сухой корм в миску.

— О чём задумался? — расправившись с кормом, Цзыфэй подошёл сзади и обнял его за талию.

— Да так, ни о чём, — Шэнь Цзя откинулся назад, устроившись в его тёплых объятиях, и накрыл своими ладонями его пальцы. — Думал, что взять с собой к родителям.

Чжоу Цзыфэй тихо усмехнулся и коснулся губами его уха:

— Не переживай, я всё укомплектовал. Главное, чтобы невестка приехала, а остальному они и так будут рады.

Шэнь Цзя вспыхнул, лёгким толчком упёрся ему в грудь и пробормотал:

— Что ты опять несёшь...

— Столько лет вместе, а всё ещё смущаешься?

Дальнейшие возражения потонули в поцелуе, которым Шэнь Цзя заглушил его подначки.

Чжоу Цзыфэй плавно припарковал машину перед тихим, уютным двором. Шэнь Цзя отстегнул ремень безопасности, сжимая в руках несколько изысканно упакованных подарочных коробок.

— Волнительно? — улыбнулся Цзыфэй, поправляя ему шарф.

Шэнь Цзя качнул головой, в уголках его глаз залегли мягкие лучики:

— Мы ведь тут далеко не в первый раз.

И это была правда.

За прошедшие шесть лет они приезжали сюда на каждый крупный праздник. Напряжение и настороженность первых встреч давно растворились в семейном тепле за общим обеденным столом.

Стоило звякнуть дверному звонку, как створка тут же распахнулась.

Чжоу Цзяи вылетел на крыльцо подобно маленькому снаряду:

— Дядя! Учитель Шэнь!

За шесть лет он вымахал едва ли не вдвое, но пылу у парня ничуть не поубавилось.

— Не лети сломя голову, — донёсся сзади смеющийся голос Чжоу Цзыхуань. — Папа, мама, Цзыфэй с Цзяцзя приехали!

В гостиной отец Чжоу, поправляя очки для чтения, отвлёкся от газеты и просиял:

— Приехали? Заходите скорее, на улице холодно.

Мать Чжоу тоже всплеснула руками и поспешила навстречу:

— Цзяцзя пришёл!

Это естественное, тёплое «Цзяцзя» окончательно сняло с души Шэнь Цзя последние капли стеснения. Он помнил, как в первые годы мать Чжоу звала его подчёркнуто вежливо и сдержанно — «сяо Шэнь». И сам не заметил, как это обращение сменилось на домашнее, ласковое имя, с которым она обращалась к собственному сыну.

Обеденный стол быстро заполнился исходящими паром блюдами. В комнате царил живой гул. Отец Чжоу первым делом расспросил сына про его тренерские дела.

Четыре года назад Чжоу Цзыфэй отказался от участия в международном чемпионате и официально объявил о завершении карьеры, решив остаться в родном городе и работать тренером по автоспорту.

Затем глава семейства поинтересовался у Шэнь Цзя, как идут дела в детском саду. Тем временем мать Чжоу неустанно подкладывала Шэнь Цзя лучшие кусочки:

— Ешь больше, а то совсем похудел. Цзыфэй за тобой совсем не смотрит?

— Мама, да разве я посмею! — тут же шутливо запротестовал Цзыфэй, параллельно вылавливая косточки из рыбы и перекладывая нежное филе в пиалу Шэнь Цзя.

Мать Чжоу бросила на сына наигранно-строгий взгляд, но, посмотрев на то, как эти двое заботятся друг о друге, мягко улыбнулась:

— Главное, чтобы у вас всё было хорошо. Остальное — суета.

За этой простой фразой Шэнь Цзя чувствовал огромный пройденный путь.

В самом начале их отношений всё давалось непросто. Семья Чжоу не отличалась консерватизмом, но решение сына связать жизнь с мужчиной, да ещё и с прошлым браком за плечами, поначалу вызвало у родителей немало сомнений и тревог. Впрочем, они никогда не перекладывали это давление на Шэнь Цзя — все разговоры велись за закрытыми дверями, только с Цзыфэем.

Время, непреклонная позиция Чжоу Цзыфэя и, самое главное, искренность самого Шэнь Цзя, его тихая, глубокая забота о Цзыфэе постепенно растопили этот лёд.

Перелом в отношении матери произошёл, когда Шэнь Цзя тяжело заболел во время одной из командировок Цзыфэя. Она приехала навестить его и увидела, как даже в бреду и с высокой

температурой он беспокоился, не забыла ли она принять лекарство от суставов. А отец Чжоу окончательно принял его после долгой, обстоятельной беседы, разглядев в Шэнь Цзя зрелую надежность и ясное видение будущего.

— Кстати, о Юй Сянхане... — Чжоу Цзыхуань налила себе сока и заговорила столь обыденным тоном, будто обсуждала погоду. — Слышала, в тюрьме он опять отличился. Срок добавили.

За столом на мгновение воцарилась тишина.

Чжоу Цзыфэй аккуратно очищал креветку для Шэнь Цзя и даже глаз не поднял:

— Сам избрал кривую дорожку — сам и расплачивается. Нечего о нём говорить, только аппетит портить.

Шэнь Цзя оставался абсолютно спокоен. В его душе не дрогнула ни одна струна. Новость о Юй Сянхане прозвучала так, будто речь шла о совершенно незнакомом человеке.

И этот человек, и всё то истеричное, болезненное прошлое давно смыло шестью годами тихой семейной жизни. Они поблекли, превратившись в едва различимый, далёкий шум. Его сегодняшний мир был до отказа заполнен домом и человеком, сидевшим рядом. Для теней прошлого здесь больше не оставалось места.

За окном бесшумно закружились первые редкие снежинки, отчего свет ламп в комнате казался ещё теплее и уютнее.

После ужина Чжоу Цзыхуань позвала брата на балкон.

Зимний ночной воздух освежал, вдали то и дело вспыхивали одинокие огоньки фейерверков.

Брат с сестрой сначала перекинулись несколькими фразами о делах, о работе, о школьных проделках Цзяи, а затем разговор угас. Они стояли у перил, глядя на россыпь городских огней.

Цзыхуань слегка покачивала бокал с вином и наконец тихо произнесла то, что давно лежало у неё на сердце:

— Послушай... Ты тогда отказался от гонок. Скажи честно: сейчас, спустя время, ты правда ни о чём не жалеешь?

Сколько бы лет ни прошло, в глубине души она всегда сохраняла сестринское желание видеть,

как её брат мчится вперёд по своей трассе, покоряя всё новые вершины.

Услышав её вопрос, Чжоу Цзыфэй повернулся. Его взгляд устремился сквозь стеклянную дверь балкона вглубь тёплой гостиной.

Шэнь Цзя сидел на диване и с мягкой улыбкой слушал болтовню Чжоу Цзяи. Тёплый янтарный свет мягко окутывал его, подчёркивая утончённый, невероятно нежный профиль.

— Сестра, ты же сама всё знаешь, — не отрывая взгляда от мужа, тихо, но предельно чётко ответил Цзыфэй. — Просто жить с ним вот так, день за днём, — это и есть главное дело моей жизни.

Цзыхуань проследила за его взглядом. Она посмотрела на человека на диване, на его лучистые, смеющиеся глаза, а потом перевела взгляд на брата — на его абсолютно расслабленное, полное безграничной нежности лицо, которое он сам едва ли осознавал.

И в этот миг она всё поняла.

Некоторые трассы пролегают вовсе не по гоночным трекам под рёв трибун. Они ведутся к единственному окну, где для тебя всегда горит свет. Её брат давно нашёл свой финиш — и был абсолютно, полностью счастлив остаться там навсегда.

Цзыфэй повернулся к сестре, в уголках его глаз затаилась улыбка:

— Спасибо тебе, сестрёнка. И родителям спасибо. За то, что приняли Шэнь Цзя.

Он сделал паузу и добавил:

— Пусть даже я всё равно остался бы с ним, каково бы ни было ваше решение... Но ваше благословение для нас поистине дорого.

Рука Цзыхуань с бокалом на мгновение замерла. В горле почему-то встал комок.

Прежде ей казалось, что в системе координат её брата Шэнь Цзя всегда стоит на первом месте. И это действительно было так. Порой в её душе проскальзывала подспудная обида и непонимание: ведь они, родные по крови, были его настоящей семьёй.

Но время шло. И с каждым разом, наблюдая за тем, как Цзыфэй смотрит на Шэнь Цзя, и видя, с какой трепетной отдачей Шэнь Цзя бережёт её брата, Цзыхуань осознавала всё отчётливее:

Цзыфэй не выбирал между семьёй и любимым человеком.

Он просто всем сердцем, без остатка, полюбил.

Они просто были влюблены друг в друга.

Так просто и так неизбежно.

Эта любовь сплела их судьбы в единое целое, превратив друг для друга в нечто абсолютно незаменимое. И это ничуть не умаляло значения семьи — точно так же, как никто не смог бы заменить ему родных.

Цзыхуань подняла бокал и медленно допила вино. Когда она заговорила снова, её голос звучал тепло и мягко:

— Он этого стоит.

— Я тоже так считаю, — рассмеялся Чжоу Цзыфэй.

Цзыхуань посмотрела на его счастливую, слегка глуповатую физиономию и уже собралась шутливо подколоть его, когда стеклянная дверь балкона с тихим шуршанием откатнулась.

— О чём это вы тут шепчетесь? — Шэнь Цзя с улыбкой посмотрел на них. На морозе его дыхание превращалось в белые клубы пара, но глаза искрились живо и ярко.

Цзыфэй тут же подскочил к нему, раскатал закатанные рукава его свитера и с наигранной строгостью слегка ужалил пальцами за щеку:

— Ты чего на холод выскочил? Рукава не заправил — замёрзнешь ведь мгновенно!

Шэнь Цзя послушно подставил лицо под его ладони и с усмешкой ответил:

— Я пришёл узнать, когда мы пойдём запускать фейерверки. На улице уже всё ждёт!

За эти годы Цзыфэй так избаловал его, что в интонациях Шэнь Цзя всё чаще проскальзывали нотки капризного, ласкового ребёнка.

— Сокровище моё уже заждалось? — Цзыфэй обнял его за талию, прижал к себе и звонко поцеловал прямо в лоб. — Ну раз так, идём прямо сейчас!

Они вернулись в гостиную и всей шумной компанией спустились во двор. Чжоу Цзыфэй тащил коробки с фейерверками, а в руки Шэнь Цзя сунул охапку бенгальских огней.

С звонким хлопком первая ракета взмыла ввышину и рассыпалась в тёмно-синем небе каскадом золотых и серебряных искр.

— Как красиво! — Чжоу Цзяи схватил мать за руку и запрыгал от восторга. Цзыхуань со смехом погладила сына по голове.

Шэнь Цзя тоже запрокинул голову, глядя на вспышки, но в самый красивый момент вдруг повернулся к Чжоу Цзыфэю.

Цзыфэй не ожидал этого взгляда. Столкнувшись с этими родными, лучащимися нежностью глазами, он почувствовал, как сердце, совсем как много лет назад, сбилось с ритма и заколотилось в груди — гулко и часто.

В следующее мгновение прохладная ладонь Шэнь Цзя скользнула в его руку. Шэнь Цзя мягко разжал его пальцы и переплёл их со своими.

— Малыш... — Цзыфэй сжал его ладонь, проведя большим пальцем по обручальному кольцу на безымянном пальце, отдавая ему всё своё тепло.

«Сокровище моё, я люблю тебя».

Но не успел он произнести это вслух, как Шэнь Цзя прижался к нему всем телом и требовательно пробормотал:

— Цзыфэй, согрей мне руки. Обними меня скорее!

Заметив, что муж замешкался, он недовольно насупился и стал торопить его снова.

Цзыфэй лишь с улыбкой качнул головой.

Ладно. Скажет ему эти слова чуть позже, перед сном.

Он с нежной обречённостью притянул Шэнь Цзя к себе, укрывая от зимнего ветра, и они вместе подняли глаза на ночной небосвод, где один за другим расцветали огненные цветы, озаряя их счастливые лица.

Шесть лет спустя Шэнь Цзя и Чжоу Цзыфэй всё так же искренне и глубоко любили друг друга.

Бывало, что и они, как любые супруги, спорили по пустякам или капризничали, но никогда не выпускали ладони друг друга.

Как и обещал Чжоу Цзыфэй шесть лет назад на их свадьбе:

«В болезни и в здравии, в бедности и в богатстве, в радости и в горе — я обещаю любить его, оберегать, уважать и сохранять ему верность до конца своих дней».

Этот брак стал для Шэнь Цзя не просто союзом, а нерушимым обетом, гарантией того, что у маленького котёнка, который когда-то долго скитался в темноте и претерпел немало бед, отныне есть надёжный и тёплый дом.

И Чжоу Цзыфэй собирался выполнять это обещание всю свою жизнь, поклявшись хранить покой, здоровье и счастье своего любимого.

А что касается Шэнь Цзя...

Впереди их ждали долгие годы. И всё, что ему оставалось, — это просто наслаждаться любовью.

<http://bllate.org/book/19971/1986111>